

Михаил Суханов

БАБЫ-ЖЕНИНЫ
РАССКАЗЫ

Михаил Суханов

Бабы-Женины рассказы

«Издательские решения»

Суханов М.

Бабы-Женины рассказы / М. Суханов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-659108-0

Русская деревня военных лет. Здесь голод и смертельная опасность соседствуют с первыми открытиями и даже радостями. На страницах этой книги оживают воспоминания Евгении Куимовой (род. 1940), с любовью записанные её внуком — уроки несломленного духа, доброты и умения любить жизнь вопреки всему. Настоящая память поколений, трогаящая до глубины души.

ISBN 978-5-00-659108-0

© Суханов М.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Лошадь	7
Бомба	9
Зёрна	12
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Бабы-Женины рассказы

Михаил Суханов

Посвящаю эту книгу каждому, кто на фронтах и в тылу внёс свой вклад в Победу. И каждому члену моей семьи – тем, кто был до меня и будет после. Но главное посвящение – одному из моих жизненных воспитателей и учителей – дорогой бабуленьке.

Бабушка Женя, мы тебя очень любим!

Редактор Анна Баскаева

Корректор Ольга Рыбина

Иллюстрация обложки Midjourney

Дизайнер обложки Михаил Суханов

© Михаил Суханов, 2025

© Михаил Суханов, дизайн обложки, 2025

ISBN 978-5-0065-9108-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

В этой книге раскрывается удивительный мир детства моей бабушки, Евгении Александровны Куимовой (род. 1940) – удивительной женщины, чьи ранние годы пришлись на суровое время Великой Отечественной войны и послевоенного периода. Эти рассказы, написанные по её воспоминаниям, – живые осколки памяти о жизни в Острецово и Лукино (бабушка ставит ударение на последний слог: Лукино), маленьких деревнях Калининской области, в 1943—1949 годах.

Детские воспоминания обладают особой ценностью: они не только сохраняют личную историю, но и отражают целую эпоху через призму непосредственного восприятия. В них мы видим, как маленькая Женя познаёт окружающий мир, сталкивается с радостями и трудностями деревенской жизни, учится понимать сложные взаимоотношения в семье и обществе военного времени, сталкивается с жестокими реалиями жизни и смерти.

В этих историях переплетаются вечные темы взросления, преодоления трудностей и сохранения человечности в самые тяжёлые времена. Но главное – это пронизывающие их доброта и искренность. Я постарался сохранить эти качества, познакомив вас с маленькой Женей, её братом Борисом, мамой, заботливой бабушкой Таней, суровым дедушкой Мишей, подругой Тонькой и её братом такими, какими их описывает сама бабушка Женя. В самих её историях, а не в языке, которым они изложены, драматизм и опасность для жизни стоят рядом с юмором, прямоотой и простотой, заставляя и сопереживать маленькой героине, и улыбаться, и сожалеть о судьбах простых людей.

Вас ждут удивительные открытия, тёплые и трогательные моменты, а также возможность увидеть мир глазами ребёнка эпохи Великой Отечественной войны. Эти рассказы – мостик в прошлое, который поможет лучше понять наших бабушек и дедушек. «Бабы-Женины рассказы» – живая связь между поколениями, возможность прикоснуться к истории через личный опыт, научиться стойкости и оптимизму, узнать, как ценить маленькие радости и сохранять семейную историю.

Вымысла в описываемых событиях нет: здесь собрана история моей семьи, и во время работы над материалом для меня было важно сохранить его документальность. Семейная линия прошла и дальше: название книге дала моя дочь, когда была совсем маленькой. Я читал ей перед сном воспоминания бабушки Жени, и каждый раз дочь подолгу не засыпала и просила почитать ей «бабы-Женины» рассказы ещё немного. Так с тех пор они и стали называться.

Добро пожаловать в мир «Бабы-Жениных рассказов», полный искренности, любви к жизни и неугасающей надежды.

Лошадь

Лето в Острецово разлилось тягучим мёдом солнечного света. День источал жар, окутывая пыльные улочки, покосившиеся заборы и деревянные избы мягким сонным теплом. Воздух, напоенный ароматами скошенной травы, спелой земляники и смолистой хвои, вибрировал от стрёкота кузнечиков и неумолчного щебета птиц.

Мы, деревенская малышня, сбившись в шумную, непоседливую стайку, оккупировали прохладные деревянные ступени крыльца нашего старого дома. Дом этот, построенный дедом ещё до революции, стоял у самой околицы, словно мудрый старец, хранящий секреты давних лет. С его крыльца, отшлифованного временем и поколениями босых ног, открывался вид на обширный луг, где мирно паслась большая гнедая лошадь.

Лошадь – величественная, с блестящей, будто отполированной, гривой и длинным, почти до земли, хвостом – казалась нам фантастическим существом. Сидя на крыльце и болтая ногами, мы с нескрываемым восторгом наблюдали за ней. Животное, мерно помахивая роскошным хвостом, щипало сочную траву, выбирая самые вкусные стебельки и совершенно не обращая на нас внимания.

Но дети, полные неиссякаемой энергии и жажды приключений, не могли долго усидеть на месте. Нам хотелось бегать, играть, резвиться, исследовать огромный мир, который раскинулся вокруг нас, вмешиваться в его гармонию.

– А слабо тебе лошадь палкой ударить? – вдруг выкрикнул мой старший брат Борька. Его глаза блестели, а голос звучал вызовом, приправленным насмешкой. Он точно знал, как задеть меня, пробудить дух соперничества и желание самоутвердиться. – Слабо?

– А вот и не слабо! – тут же выпалила я, кузнечиком подскакивая на месте. Горячая волна обиды и желания доказать брату свою храбрость нахлынула, заглушив голос рассудка. С рождения я была бойкой девчонкой, не признавала авторитетов, ничего и никого не боялась. Мне хотелось показать всем, а главное – самой себе, что я не трусиха и могу быть решительной, способной на отчаянные поступки. Хотя, если честно, я и сама не понимала, зачем бить мирно пасущуюся лошадь. В чём здесь проявится моя смелость? Что это докажет?

Борька, улыбаясь, наблюдал за мной. Кажется, кто-то из детей, подстрекаемых братом, сунул мне в руки длинную ровную палку, похожую на хлыст. А может, я сама нашла её у забора, где лежала куча старых досок и брёвен, служившая нам постоянным источником материала для строительства шалашей и крепостей. Сейчас я уже не помню всех деталей, только яркие вспышки того дня впечатались в память, как фотографии из старого семейного альбома. Помню солнечный свет, пробивающийся сквозь листву старой берёзы, помню запах свежескошенной травы, сладкий и терпкий одновременно, помню пыль, которая висела в воздухе золотистой дымкой, и громкое чириканье воробьёв, сопровождавшее все наши детские шалости. Помню, как решительно подошла к лошади слева, вскинула палку и со всей своей детской силы опустила её на лошадиную спину.

А затем – глухой удар.

На мгновение мир вокруг замер. Даже птицы замолчали, с тревогой наблюдая за разворачивающейся сценой. Я стояла, задыхаясь от собственной дерзости, гордая своей мнимой смелостью, и в то же время испытывая странное чувство вины и страха. Лошадь же застыла, не понимая, что произошло. Её большие карие глаза смотрели на меня с укором, словно спрашивая: «Зачем?».

Вдруг лошадь резко развернулась, мощно оттолкнувшись задними ногами, подняв вихрь пыли и заставив меня инстинктивно отшатнуться. Но было уже поздно. Она лягнула меня копытом прямо в лицо. Мир померк на мгновение, а затем вернулся с новой силой, принося с собой жгучую боль. Вмиг я заорала. Слёзы градом полились из глаз, губы распухли,

а два передних зуба остались лежать в пыли, будто крошечные, чуть подёрнутые алым белые камешки. Не в силах сдержать рыданий, ощущая себя маленькой, ничтожной, побитой девчонкой, я, сгорбившись в своих страданиях, упала на землю.

Лошадь же, будто ничего не произошло, спокойно отошла в сторону и продолжила щипать траву. Она даже не посмотрела в мою сторону, демонстрируя полное безразличие к моей боли. Ей не было никакого дела до маленькой глупой девочки, которая ни с того ни с сего попыталась обидеть её.

– Дура! Кто же лошадь палкой бьёт! – услышала я сквозь рыдания полные негодования и испуга голоса детей. – Хорошо, что в зубы, а не в лоб! – продолжали они, поднимая меня с земли. Борька, напуганный произошедшим, лишь молча наблюдал.

Слёзы всё лились. Они текли по щекам, смешиваясь с пылью и оставляя грязно-солёные дорожки. Было больно, обидно, стыдно. Думалось мне, что я – самый плохой ребёнок на свете, достойный справедливого наказания и унижения. Где были взрослые, я не помню – наверное, работали в поле, убирали урожай. Кто уж там окружил меня заботой и сочувствием, успокоил, утёр слёзы – не помню. Но запомнилось надолго, как потом я ходила без пары передних зубов и стеснялась своей беззубой улыбки.

Я часто вспоминаю этот случай, и с каждым разом мне становится всё стыднее за этот поступок, за глупость и жестокость бессмысленной варварской попытки доказать свою смелость. А лошадь, которая так спокойно отнеслась к моей выходке, всё же была умная: знала, кому даёт сдачи – маленькой девчонке, которая ещё не понимала, что животных обижать нельзя. Настоящая сила не в физическом превосходстве, а в умении прощать.

Так, в четыре года, я научилась быть внимательнее к окружающему миру и никогда не обижать животных.

Бомба

Меня разбудил солнечный луч, пробившись сквозь щель в ставнях. Он плясал на моём лице, щекотал нос и в конце концов заставил раскрыть глаза. За окном был летний день: небо – чистое, ярко-голубое. Солнце щедро лило свои лучи на землю, а в воздухе разливались ароматы цветов и трав. В деревне царило оживление: петухи перекликались, соревнуясь, кто громче прокричит о наступлении нового дня, мычали коровы, а где-то невдалеке слышался ритмичный стук молотка – это соседи чинили прохудившийся забор.

Мне было три года, и мир для меня был одной большой игровой площадкой. Я выбежала во двор, где уже всюю резвились другие ребяташки. Мы бегали, смеялись, играли в догонялки. Наш беззаботный смех разносился по всей деревне, отскакивая от бревенчатых стен немногих домов, зелёных крон деревьев, гладкой поверхности медленной и узкой речки.

Вдруг кто-то взволнованно закричал:

– Бомбу нашли! Бомбу нашли!

Мы, словно по команде, замерли и обменялись взглядами, в которых любопытство боролось со страхом.

– Бомба? А что такое бомба? – спросила я у Борьки. Брат был на два года старше и, казалось, знал всё на свете.

– Пойдём, увидишь, – ответил он загадочно.

И мы, подхваченные волной любопытства, помчались на окраину деревни, к маленькой речке, которая впадала в другую, большую. С каждым шагом наш смех становился тише, а шаги – медленнее. Игры остались позади. Впереди ждала неизвестность, которая манила и пугала одновременно. Беззаботная радость уступила место тревожному предчувствию, словно тёмная туча заволочла солнце.

Наконец мы вышли на берег – и увидели её. Она лежала на песке, огромная и чёрная, с ржавыми пятнами на металлическом боку. Воздух сгустился, точно желе. Даже ветер замер, словно прислушиваясь к чему-то зловещему. Природа, казалось, затаила дыхание, боясь разбудить спящее чудовище.

– Мама говорила, что к бомбе нельзя подходить, – прошептал кто-то из ребяташек. – А то взорвётся.

Мы стояли и смотрели на бомбу с опаской. Её тёмный холодный металл излучал смертельную опасность. Мы не знали, что такое война, но чувствовали на своей коже её ледяное дыхание.

– Смотри, какая большая! – воскликнул Борька и подошёл к бомбе вплотную. Он лёг рядом, вытянувшись во весь рост. Бомба оказалась длиннее его всего на какие-то несколько пальцев.

Мне тоже захотелось помериться с бомбой. Я осторожно подошла к ней, робко протянула руку и коснулась холодного шершавого бока. Сердце замерло, словно пойманная курица. Но я не отёрнула руку. Мне хотелось почувствовать эту бомбу, понять, из чего она сделана, почему она такая страшная.

– А я меньше! – с гордостью заявила я, ложась рядом.

– Ну и дура! – отозвался кто-то из ребят. – Дай я лягу!

– А она точно взорвётся? – спросил кто-то робко.

– Конечно, взорвётся! – уверенно ответил Борька, надувая щёки. – Они все взрываются.

Ба-бах! И всё разлетается на кусочки.

– А мы тоже разлетимся? – прошептала я, и мои губы задрожали.

– Дурёха! – засмеялся Борька. – Мы же убежим!

Он снова подбежал к бомбе и похлопал её по боку.

– Эй, бомба! Ты настоящая? – крикнул он.

Бомба огромным чёрным спящим зверем молча лежала на песке.

– А давай на ней покатаемся! – предложил кто-то. – Она же как горка!

– Давай! Давай! – закричали мы хором, забыв об опасности.

Страх исчез, снова уступив место азартному веселью. Мы стали карабкаться на бомбу. Она была такой большой, что мы все могли на ней поместиться.

– Смотрите, я на самом верху! – закричала я, взобравшись на самую выпуклую часть бомбы. – Я командир танка!

– А я – пилот! – закричал кто-то из мальчишек, раскинув руки в стороны. – Я лечу немцев бомбить!

Мы смеялись, кричали, прыгали на огромной железке, точно это была не смертоносная машина, а детский аттракцион. В нашем мире – детей, позабывших о том, что эта штука может в любой момент разнести их на кусочки, – были только летнее солнце, голубое небо и огромная чёрная бомба, ставшая ненадолго кому кораблём, кому – самолётом, а кому – ростомером.

Вдруг рядом появилась чья-то бабушка. Увидев нас, играющих на бомбе, она застыла на месте. Её лицо исказилось и побелело, глаза широко раскрылись.

– Что вы делаете?! – закричала она, и голос её дрожал от страха. – А ну! Марш! Отседа!

Мы бросились врассыпную. Страх, о котором мы совсем забыли, нахлынул с новой силой, заставляя бежать со всех ног. Я неслась сломя голову, не оглядываясь, пока не добралась до дома. Там я спряталась в тёмном углу, пытаясь унять дрожь в теле.

В тот день нагоняй получили все!

* * *

Назавтра мы снова пришли к речке. Подходили медленно, осторожно, выглядывая из-за обрыва. Но бомба исчезла, словно её и не было никогда.

– Куда она делась? – спросила я у Борьки.

– Её увезли, – уверенно ответил он. – Наверное, на специальной машине, пока мы спали.

Мы долго стояли на берегу, разглядывая место, где ещё вчера лежала смертоносная машина. Конечно, я была разочарована, ведь такая интересная штука испарилась без следа! Но одновременно испытывала облегчение: она не взорвалась, не причинила никому вреда.

– Чего она не рванула-то? – вслух подумала я.

– Может, её сделали бракованной? – задумчиво предположил Борька. – Чтобы не взрывалась.

– А кто её сделал бракованной? – поинтересовалась я.

– Наверное, наши пленные, которые работали на немецких заводах, – ответил Борька. – Они специально так сделали, чтобы помочь нашим солдатам.

Я моментально представила себе этих пленных, худых и измученных, которые втайне от фашистов портят бомбы, чтобы те не взрывались. В моём детском сердце родилось чувство гордости за них, за их тихий подвиг.

Мы вернулись в деревню. Солнце ярко светило, птицы радостно щебетали, но в моей душе поселилось отдалённое ощущение тревоги. Весь оставшийся день я думала о том, что где-то там, за пределами нашей деревни, за речкой и лесом, была война, где злые фашисты брали в плен наших, а наши их за то нещадно били. А ещё о том, что бомба может сдуть меня, как я сдуваю огонёк свечки.

Ночью во сне я вновь видела её. Она лежала на берегу реки, огромная и чёрная, и вдруг начала расти, становиться всё больше и больше, заполняя собой весь мир. Я хотела убежать,

но ноги от страха стали ватными. Я стала кричать – и бомба взорвалась, и мой крик утонул в этом грохоте.

Взрывная волна подхватила меня, понесла куда-то далеко-далеко вверх. Я видела заводы с чёрными крестами на крышах и пленных, которые тайком портили станки и уже готовые бомбы. Потом туда ворвались наши солдаты, освободили всех пленных, а немцам разбили носы. На этом все войны закончились, и я с удовольствием смотрела, как все радуются. К нашей ограде пришёл папа в военной форме и принёс нам с Борькой конфеты, а маме – расписной платок. От этого мне стало легко и радостно. Но вдруг прямо в небе откуда-то появилась новая бомба – и тут же взорвалась.

Я проснулась в холодном поту. Сердце колотилось, а в голове всё ещё звучало эхо взрыва. Это был только сон, но страх остался. Война ещё не закончилась. На нас может упасть новая холодная металлическая бомба, которую сделали злые немцы.

Зёрна

Бабушка Таня, которая всю жизнь прожила в Острецово, всегда была для меня загадкой, старинным ларцом, хранящим множество секретов. Маленькая, хрупкая, с пронизательным взглядом карих, будто не знавших слёз глаз, она носила простые, но удивительно красочные платья. На каждом лоскутке, из которых они были скроены, распускались дивные цветы: васильки, ромашки, маки. Они крохотными искрами мерцали на фоне неизменного белого платочка, завязанного у неё под подбородком.

Бабушка была похожа на неутомимую пчёлку, которая ни секунды не проводила в бездействии. Она порхала по дому, то погружаясь в заботы по хозяйству, то ловко управляясь со спицами, на которых рождались тёплые носки для внуков, то перебирая крупу, бережно отсчитывая каждое зёрнышко, словно в каждом из них была заключена крошечная частичка жизни.

У неё было девять дочерей и пять сыновей – тринадцать драгоценных зёрнышек, которые она бережно хранила в своём материнском сердце: одно Бог призвал к Себе сразу после рождения. Ещё четыре тоненьких ростка, не успевших набраться сил, сломались под ледяным дыханием судьбы. Остальных она взрастила, выходила, окружила если не лаской, то заботой. Бабушка отдавала им всё тепло, которое тлело в её большом, истерзанном тревогой сердце. И хотя жизнь её была тернистым путём, полным испытаний, в её глазах всегда мерцал огонёк любви и неугасаемой надежды.

Она бранила меня за детские проказы, но в её словах звучала не сердитость, а тревога. «Ну что ты как ублазянка, лазишь по дереву! А если упадёшь?» Я, конечно, не всегда прислушивалась к её наставлениям. В четыре года мир кажется бескрайним и так и тянет всё исследовать, везде побывать! Однажды я взобралась на старую яблоню, да так высоко! Бабушка стояла внизу, маленькая и хрупкая, а я карабкалась всё выше, будто пытаюсь дотянуться до солнца. Ветви старого дерева были шершавыми, но я упорно лезла вверх, не боясь ни царапин, ни высоты. Наконец бабушка Таня, встревоженная моей дерзостью, заставила меня слезть. На земле только детская проворность помогла мне увернуться от её тяжёлого шлепка. В её голосе слышалась не злость, а страх: страх потерять ещё одно зёрнышко.

Бабушка, дочь церковного старосты, получила прицерковное четырёхклассное образование и всегда была очень набожной. В её комнате висели иконы, перед которыми она каждое утро зажигала лампадку, наполняя помещение запахом ладана и воска. Замуж она вышла за бедного простолюдина Петра Филипповича Виноградова, безбожника. Их жизнь была похожа на борьбу двух стихий: тихой, смиренной веры и бурлящего, мятежного духа.

* * *

Дедушка Петя – Дея, как я звала его – был высоким, молчаливым, с печальным взглядом. Его широкие плечи, казалось, несли на себе груз всех горестей этого мира. Сердце дедушки билось неровно, с переборами. Он прошёл Финскую войну и участвовал в Великой Отечественной – пока его не вернули домой из-за сердечной слабости.

Я помню, как он сидел на кухне, держа в натруженных руках лапотки, сплетённые для моего брата. Борька сиял от гордости, важничая передо мной.

– Смотри, Женька! Это мне дедушка сплёл! – хвастался он, притопывая в новой обуви.

Но недолго лаптям суждено было радовать Борьку. В то голодное время печи топили всем, что горело. В избе тогда едко пахло. Борька плакал: ему было жаль подарка, сделанного дедушкой с такой любовью. Этот запах – смесь берёзового дыма и горечи – навсегда остался в моей памяти как символ тех тяжёлых, голодных лет.

Вернулся Деда с фронта в сорок третьем. Есть было нечего. Готовили всё, что росло за оградой, «подножный корм». Однажды бабушка, измученная нашим детским нытьём, отправила Деду добыть что-нибудь поесть. Какой между ними был спор! Ведь голод у всех, а вокруг – война!

– Куда я пойду? – слышала я усталый голос бабушки. – У всех пусто. Сама знаешь.

– Дети же – кожа да кости! Сделай что-нибудь, – отвечала бабушка. – Ты же мужик!

Дедушка Петя послушно ушёл – и не вернулся. Три дня родные искали его по всей округе, пока не нашли на дальнем поле у стога сена. Он лежал лицом к небу, будто заглядывая в бездонную синеву, где не было ни войны, ни голода, ни тупой боли в груди. На губах, утомлённых тяжестью жизни, застыла усталая улыбка.

* * *

Война несла смерть не только на полях сражений. Она проникала в дома, бросая холодную тень на судьбы людей, заглядывала в глаза стариков и детей, оставляя после себя лишь пустоту и невыносимую тяжесть.

Старшая дочь бабушки Тани, тётя Маша, жила в соседней деревне. Жизнь её сложилась непросто. Когда старшего сына убили на фронте, а младший умер от воспаления лёгких, тётя Маша совсем сломалась. Осталась у неё дочь Нина, но та, повзрослев, уехала в Ленинград, оставив больную мать одну. Тётя Маша долго ещё маялась в своём доме, сгорбленная горем и болезнью, пока не ушла вслед за сыновьями.

Моя мама, вторая дочь, после замужества переехала в Острецово. Жизнь её также была полна трудностей, но она никогда не жаловалась и несла свой крест с достоинством и смирением.

Тётя Саша, третья дочь бабушки, уехала в Ленинград ещё до начала войны: соседи помогли устроиться няней в обеспеченную семью. Мама всегда с теплотой говорила о сестре, ведь они были похожи как две капли воды: черноволосые, голубоглазые, с ослепительными улыбками. «Красавицы, – вздыхала бабушка, – вот только счастье им не даётся».

Судьба была немилосердна к тёте Саше. Она погибла в блокадном Ленинграде, став жертвой неумолимого голода. Бабушка долго плакала, глядя на пожелтевшую фотографию дочери, на которой тётя Саша улыбалась, молодая и полная надежд.

* * *

Лето сорок четвёртого. Острецово заполнял душный воздух, какой бывает перед сильнейшей грозой. Ароматы спелой земляники, дыма банных труб и сушащихся в тени сараев лечебных трав терялись в этой духоте. Тяжёлые солнечные лучи пробивались сквозь листву старой яблони у окна, из которого краем глаза за нами следила бабушка Таня.

Во двор въехала скрипучая телега, запряжённая лошадей с проглядывающими сквозь тонкую тёмную шкуру рёбрами. Мы, стайка гуляющей детворы, выбежали навстречу. С телеги медленно сошла женщина в давно не стиранной военной форме, с огромным животом. Это была тётя Маня, четвёртая дочь бабушки Тани. Она тихо поблагодарила извозчика и стянула с дощатой телеги изношенный грязный тулуп, явно несколько дней служивший ей постелью.

– Маня! – вскрикнула бабушка из-за окна. Радость в её голосе смешивалась с тревогой.

Лицо тёти Мани было бледным, усталым, глаза – запавшими и тусклыми. Она тяжело опиралась на стену избы и будто заново осваивалась в знакомом с детства двореке.

– Маня приехала! – повторила бабушка, выбегая из дома, подходя к дочери и осторожно обнимая её. – Доченька моя... Почему ты одна?

Тётя Маня только горько покачала головой и молча прошла в дом. Следом за ней вбежали и мы.

В доме она опустилась на лавку и закрыла лицо руками. Я набралась храбрости или прямой детской наглости, погладила её по плечу и спросила: «Тётя Маня, почему у тебя такой большой живот?» Сию минуту бабушка оттащила меня. Я успела увидеть только, как плечи тёти Мани затряслись от беззвучных рыданий.

Нас – тем более меня! – не пускали к госте, но Борька подслушал и передал мне подробности разговора взрослых. Тётя Маня рассказала, как познакомилась со своим мужем на фронте; о том, как вспыхнула между ними любовь, яркая и чистая; как мечтали они о дне, когда война закончится и они вернутся домой, построят дом и наполнят его детским смехом. Когда они поняли, что ждут ребёнка, мужу дали отпуск, чтобы молодожёны сыграли свадьбу – настоящую, а не фронтовую.

– Он всё говорил: «Дождёмся победы, Маня, и будем жить счастливо. Я ребёнка на руках носить буду!» – шептала тётя Маня. Её голос дрожал от невыплаканной боли.

По дороге домой, когда они ехали в поезде, случился фашистский авианалёт. Вагон содрогнулся от взрыва, осколки стекла разлетелись во все стороны. Муж тёти Мани погиб от шальной пули. Умер на руках у беременной жены, не успев даже попрощаться.

Бабушка Таня плакала вместе с дочерью. Она гладила её по голове, шептала слова утешения, но они звучали бессильно перед лицом такого горя. Война безжалостно растоптала ещё одну мечту, чуть не раздавив ещё одно зёрнышко, оставив после себя лишь пустоту и боль.

Через несколько дней тётя Маня родила девочку. Малышку назвали Валечкой, как и мечтал отец, и дали отцовскую фамилию: Майшева. В избе звучал детский плач, хрупкий, похожий на стебелёк первого весеннего цветка, пробившийся сквозь талый снег. За этим плачем скрывалась тихая печаль – о том, что девочка никогда не узнает отца, и о том, что её детство придётся на труднейшие и голодные годы войны.

Тётя Маня и маленькая Валюша на какое-то время остались у бабушки Тани. Маня долго ещё горевала по мужу, но нашла утешение в дочери и в любви близких. Жизнь продолжалась, несмотря на все потери. Война не оставляла места для осуждения, лишь для сострадания.

* * *

Жизнь бурным потоком несла каждое из бабушкиных зёрнышек над руслом реки войны, полным жестокости и неожиданных поворотов.

Тётя Нюша, её пятая дочь, в детстве перенесла менингит. Болезнь отступила, но с тех пор Нюша росла не такой, как все. Порой посреди разговора её взгляд терял фокус, глаза становились отсутствующими, будто она созерцала невидимый другим мир. Дети, не понимая, дразнили её «дурочкой», но бабушка Таня всегда горячо защищала дочь.

– Нюшку Бог повёл по иному пути, – твердила бабушка.

Нюшка, как звали её все, росла доброй и отзывчивой, всегда готовой прийти на помощь. Она любила животных, нежно заботилась о них, и казалось, что Нюша понимала их язык.

– Смотри, Женька, – сказала она мне однажды, указывая на гнездо ласточек под крышей брошенного деревенского дома. – Они скоро оперятся, вылетят из гнезда и станут свободными, как мы с тобой.

Я смотрела на пронзительно пищащих маленьких птенцов, вытягивающих из гнезда тонкие шеи, и думала о том, что Нюша видит в этом мире гораздо больше, чем я. Она, волшебница, умела разговаривать с птицами, с деревьями, с самим ветром.

Судьба Нюши извилистой тропинкой провела её через лес жизненных испытаний, но та не сломалась, не озлобилась. Нюша нашла своё счастье в простых вещах: в тепле домашнего

очага, в любви к мужу и детям. Её жизнь не была яркой, но была согрета ровным, тёплым светом.

Тётя Октябрина переименовала себя в Клаву. Она была противоположностью Нюше и жила как вихрь. Её тёмные волосы волновались буйными кудрями, а на лице сияла озорная улыбка, отражая неуёмную энергию, бившую в ней ключом. Её смех, звонкий, как колокольчик, разносился по всей деревне, оживляя даже самые пасмурные дни. Красивая, сероглазая, похожая на отца, Клава была центром любой компании и любила танцевать, петь и оживлять скучные будни забавными историями.

– Эх, Клава, Клава, – качала головой бабушка Таня, наблюдая за проделками дочери. – Неугомонная!

Однажды летним утром в избе бабушки Тани разразилась буря.

– Где ты была всю ночь?! – гремел голос бабушки, и даже сквозь закрытую дверь я слышала её тяжёлое дыхание.

– Гуляла, – отвечала Клава, но голос её дрожал, выдавая страх.

– Гуляла?! – взвизгнула бабушка. – С этим... с этим проходимцем! Я тебя научу гулять!

Раздался свист вожжей, затем – глухие удары, точно кто-то хлестал по мешку с соломой. Я осторожно приоткрыла дверь и увидела Клаву, которая, уворачиваясь, металась по комнате. Бабушка стояла посреди избы, лицо её было красным от гнева, глаза сузились в щёлочки. В её руках свистели вожжи, свёрнутые в тугий жгут. Она была дочь всерьёз, и вид этой расправы наводил ужас.

Клава не плакала, только губы её были плотно сжаты, а в глазах мерцало упрямство.

– Замуж за него пойду! – выкрикнула она, глядя на мать. – Люблю его!

Клаву было не остановить. Она убежала из дома и вскоре действительно вышла замуж за своего возлюбленного. Родила сына, которого назвали Владимиром. Муж, едва успев увидеть первенца, ушёл на фронт. Вернулся через десять месяцев, измученный, больной. Война не пощадила его – в лёгких свистел туберкулёз. Он прожил недолго, оставив Клаву вдовой с грудным ребёнком на руках.

Бабушка Таня никогда не упрекала Клаву за её выбор, принимала её судьбу, как и судьбы всех своих зёрнышек, со смирением и любовью.

* * *

Зина, младшая из бабушкиных дочерей, была для нас с Борькой скорее старшей сестрой, чем тётей. Разница в возрасте была не такой уж большой, и мы росли вместе, деля детские радости и печали. Она всегда присматривала за нами, опекала, защищала от обидчиков.

Однажды Зине нужно было сходить в соседнюю деревню за солью. Магазины в Острецово не было, и за припасами приходилось ходить за несколько километров. Зина собиралась взять с собой только Борьку, а меня оставить дома. Я, конечно, запротестовала.

– Почему это Борька идёт, а я нет?! – воскликнула я, топая ногой. – Я тоже хочу в Деревя!

– Ты ещё маленькая, – ответила Зина. – Дорога длинная, устанешь.

– Не устану! – упрямо твердила я. – Я буду себя хорошо вести.

Зина вздохнула, но, несмотря на все мои причитания, всё же решила оставить меня дома.

Они с Борькой вышли во двор и закрыли калитку. Я осталась одна. Обида и чувство несправедливости жгли меня изнутри. От слёз всё передо мной расплывалось размытыми пятнами. Я подбежала к окну, встала на лавку и начала барабанить кулачками по стеклу.

– Зина! Борька! – кричала я. – Возьмите меня с собой!

Но через стекло я видела, как они уходили, не обращая внимания на мои крики. Я продолжала стучать по стеклу и, видя, что ни Зину, ни Борьку это не трогает, наконец с размаху ударила по нему кулаком.

Стекло не выдержало – раздался оглушительный треск, осколки ледяными брызгами разлетелись во все стороны. Один из них впился мне в ладонь, и пульсирующая боль пронзила руку. Я вскрикнула от неожиданности и испуга, глядя на ярко-алое пятно крови.

Зина, услышав грохот оконного стекла и мой вопль, бросилась обратно. Увидев меня посреди осколков, она очень испугалась.

– Женька! – вскрикнула она, подбегая ко мне. – Что ты наделала?!

Она быстро осмотрела мою рану, вытащила стекло и перевязала руку платком. Её пальцы дрожали, а в глазах стояли слёзы.

– Что я матери скажу?! – прошептала она, глядя на разбитое окно.

Я быстро поняла, что бабушка будет ругаться: достать новое стекло было почти невозможно, ведь война лишила людей самого необходимого. Лицо защипало от стыда и скопившихся слёз. Но Зина прижала меня к себе и поцеловала в макушку.

– Ничего, – сказала она тихо. – Всё заживёт.

Тогда мы всё же отправились в Деревя втроём. Я действительно быстро устала, и Зина несла меня на руках, а Борька шёл рядом, молча поглядывая на мою перевязанную ладонь.

Зина, как и её мама, всегда стремилась всё делать правильно, помогать другим, быть надёжной опорой для близких. Её сильный характер, закалённый трудностями военного детства, помогал преодолевать любые преграды. Она построила свою жизнь, опираясь на ценности, которые впитала в детстве: любовь, сострадание и неугасаемую веру в лучшее. Свою долгую жизнь она прожила ради детей, семьи и того светлого будущего, в которое верила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.